

<https://omk.ru/news/13695/>

Главная проблема детской онкологии — кадровая

16.01.2017

Выступление клоунов на праздничном концерте в честь Дня защиты детей в Научно-исследовательском институте онкологии и гематологии

Фото: PHOTOPRESS

Научно-исследовательский институт детской онкологии и гематологии в составе Российского онкологического научного центра имени Н. Н. Блохина отметил 40-летний юбилей.

Специальный корреспондент «ВМ» встретила с директором института — академиком РАН, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, лауреатом Государственной премии РФ Мамедом Джавадовичем Алиевым

(на фото) и поговорила о том, как институт живет сегодня и каково будущее детской онкологии.

Каково состояние детской онкологии в России сегодня?

— Оно соответствует состоянию медицины в стране. Наша позиция как онкологического национального центра— сохранить кадровую и научную базу и экстраполировать самые серьезные наработки для лечения наших пациентов.

Что изменилось в детской онкологии за последнее время?

— В XXI веке попытки повлиять на иммунитет с целью излечения от опухоли получили свое реальное воплощение. Например, известно, что такая уникальная опухоль, как нейробластома, имеет свои биологические особенности и может «дозреть» с ростом ребенка, становясь доброкачественной. Мы добились хорошего результата в лечении данного вида опухоли: в зависимости от стадии полное излечение отмечается до 80 процентов при локализованных формах заболевания. Колоссальные успехи достигнуты и при хирургическом лечении больных: при злокачественных новообразованиях костей более 95 процентов операций — органосохраняющие.

А что вы можете рассказать о сегодняшнем дне НИИ?

— НИИ детской онкологии и гематологии — единственная научная школа в России, где пациентам оказывают все виды онкологической помощи. В научно-консультативном отделении осуществляется весь спектр диагностических исследований, выполняются небольшие хирургические вмешательства. А в стационарных отделениях института проводятся курсы комплексного лечения: интенсивной и высокодозной полихимиотерапии, лучевой терапии и различных по объему и сложности хирургических вмешательств при всех локализациях новообразований, включая опухоли головного и спинного мозга. Внедряются уникальные для детской онкологии эндоскопические и эндохирургические методики. Приоритетом является органосохраняющее лечение при костных саркомах, опухолях орбиты и глаза (сохранение глаза). То есть нам важно сохранить орган, не ампутировать.

Все наши успехи в лечении больных связаны с тем, что мы сохранили коллектив, научные школы, растим научную смену. Институт задумывался как альтернативный проект американскому противораковому центру (NCI). Амбиции, особенно у молодых сотрудников, очень высоки. Сейчас готовится к сдаче новое здание детского института на 250 коек. Наша

уникальность в том, что все, что зарабатывается в институтах, которые занимаются канцерогенезом, все возможности радиологической диагностики и лечения мы используем в «детстве».

Наш институт находится на очень высоком международном уровне. Я не знаю такой патологии, которую не могут осилить мои сотрудники.

То есть ехать для лечения за границу не обязательно?

— Я знаю, что только 10 процентов нашего руководства лечится в России, и это не лучший пример. Медицинский туризм, например в Германию, оправдан, если вы ищете хороший средний уровень. Но при осложнениях вы своего врача не найдете — перед вами будет юрист. Ответственность там никто на себя не берет. И я не советовал бы делать операции вне своей среды.

В чем основные трудности детской онкологии?

— Главная — организационная несбалансированность медицинских структур. Чтобы больной приехал к нам из региона, нужно оформить массу бумаг. Вторая трудность — экономика. До 30 процентов закупки медикаментов финансируют фонды. Хотя 3 тысячи детей с онкологическими заболеваниями — не так много для страны. Оплата по ОМС плохо просчитана и не имеет ничего общего с реальностью. У нас лечатся не только российские дети, но и граждане СНГ. Все, кто к нам попадает, получают лечение. Для этого мы идем с протянутой рукой к фондам. Унизительно? Мы не замечаем. Главное — польза для пациентов.

Какие препараты вы используете?

— В детской онкологии мы настроены на оригинальные препараты, хоть они в 2–3 раза дороже дженериков. Но в страховку входят только дженерики, как и во всем мире, помогают фонды.

Сколько трансплантаций костного мозга детям проводится у нас в стране?

— В среднем проводится около 300 трансплантаций. Но нужно более 500 трансплантаций в год (речь идет о детях). Главная проблема — кадровая, врачей-трансплантологов очень мало. В этой ситуации, я считаю, надо интенсифицировать работу уже имеющихся центров, а не тратить силы на создание новых.

С какими благотворительными фондами вы работаете?

— В прошлом году их было более двенадцати, на сегодня осталось

четыре-пять. Сформировалась устойчивая группа: «Настенька», «Подари жизнь», «Зимний бал», Благотворительный фонд Константина Хабенского, «ОМКУчастие». Они занимаются каждый своим аспектом — закупкой протезов, лекарств и тому подобное — и очень нам помогают.

СПРАВКА

Ежегодно в институт обращаются до 30 000 пациентов, а 1500 госпитализируются для лечения. В институте проводится 60 трансплантаций костного мозга в год. 30 процентов закупок медицинских препаратов для института финансируют благотворительные фонды.